

ЖАВОРОНОКЪ

ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

1913 г.

Сентябрь.

Выпускъ 9-й.

Оригин. собств. М.А.Бартъ.

Лит. Теодоръ Киббель, С.П.Б.

„БУДУЩІЙ ГРАЖДАНИНЪ”

Жаворонокъ.

XX 28
6

Аташкамъ.

(Изъ Адольфа Шульца).

*
* *

Легкокрылыя пташки-малютки,
Не должны вы пугаться меня;
Все, что вамъ только сердце подсяжетъ,
Идите смѣло въ сіяніи дня.

Вамъ сѣтковъ разставлять я не стану
Ни въ лугахъ, ни по темнымъ лѣсамъ:
Вѣдь всю горечь, всю тяжесть неволи
Знаю я,—испыталъ я и самъ...

Петръ Быковъ.

На работу.

Лишь зари передразвѣтной
Въ небѣ брызнула полоска,
Будить съ ласкою привѣтной
Мама—дочь свою подростка.

„Нюша, встань, тебѣ сегодня
Надо съ мамочкой проститься,—
Да поможетъ власть Господня
Вѣкъ трудомъ тебѣ кормиться“...

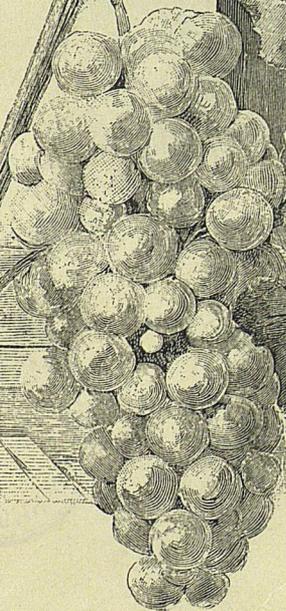
Дочь откликнулась послушно,
И, согрѣтая мечтою,
Опустилась простодушно
Предъ иконою святою:—

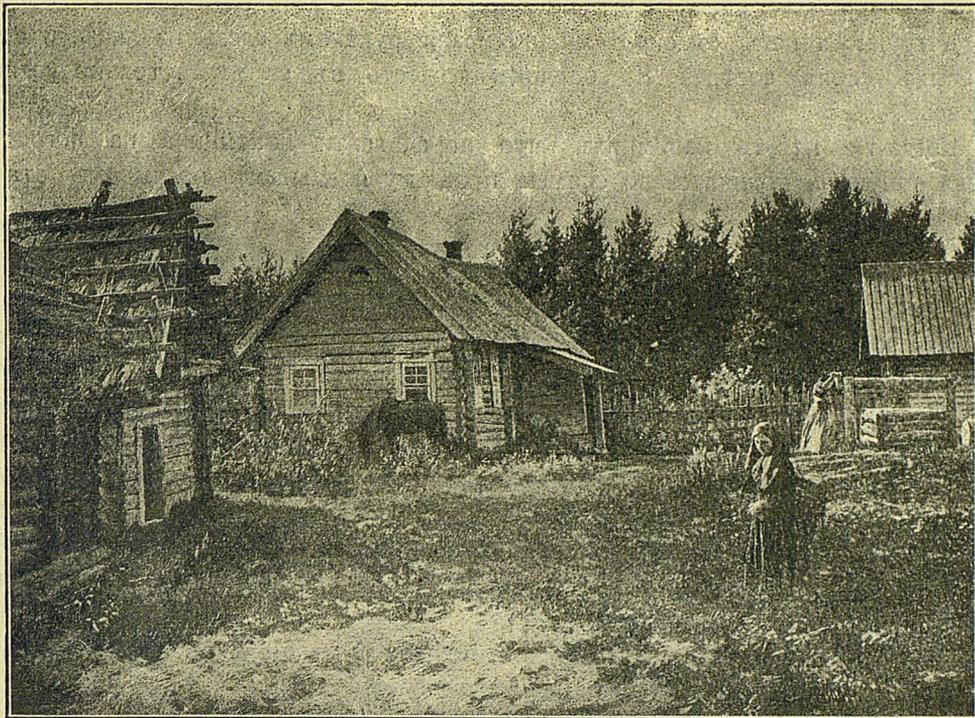
„Боже, Боже, еслибъ къ тятѣ
Не подкралась смерть нежданно,
То и мама въ свѣтлой хатѣ
Не ходила-бы туманной.

И не надо бы мнѣ было
Съ ранней зорькой подниматься,
Разставаясь съ хатой милой,
Въ люди няней наниматься.

Боже, силъ не пожалѣю,
Выйду смѣло на работу,
Лишь бы скрасить только ею
Милой мамочки заботу“...

Андрей Нузнецовъ.

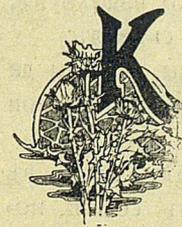

ХУТОРОКЪ.

Кирикъ.

Разсказъ А. Богданова.

I.

Кирикъ сумрачными глазами смотрѣлъ на сосновый сколоченный изъ старыхъ досокъ гробъ. Покойникъ—отецъ—лежалъ на двухъ сдвинутыхъ скамьяхъ посреди избы, покрытый грубымъ домотканымъ холстомъ, и желтое лицо его, съ заострившимся носомъ и прилипшими ко лбу жидкими волосами, казалось строгимъ и незнакомымъ. На груди, гдѣ были скрещены руки, холстъ поднимался горбомъ, и въ образовавшееся углубленіе былъ вложенъ

круглый деревянный старинный образокъ.

Двѣ младшихъ сестры Кирика — Даша и Варюша, — притаившись въ углу около просторной выбѣленной русской печи, наблюдали, какъ входили и выходили родные и знакомые. Набралась полная изба мужиковъ и бабъ. Пришелъ братъ покойника, дядя Федоръ, черный мужикъ съ курчавой бородкой, и жена его Марья, блѣднолицая и рябая женщина въ ватной поддевкѣ и мужскихъ большихъ сапогахъ.

Мать Кирика Анисья сидѣла на скамьѣ около окна. Волосы ея выбились прядками изъ-подъ ситцевого платка, а глаза глубоко и болѣзненно ввалились внутрь. Всѣ три дня, пока стоялъ въ избѣ гробъ, она не переставала плакать.

Каждый, кто ни приходилъ, жалѣлъ Анисью и считалъ своимъ долгомъ утѣшить ее, какъ могъ. Но утѣшенья не помогали ей: она плохо понимала то, что дѣлалось кругомъ, думала о покойномъ мужѣ, — о томъ, какъ ей

будетъ трудно теперь съ сиротами, вытирала рукавомъ слезы на лицѣ, и отъ ласковыхъ словъ сосѣдей и сосѣдокъ тяжесть въ ея душѣ только увеличивалась.

Когда-же кто-то напомнилъ, что пора везти покойника на погостъ, Анисья очнулась, поднялась со скамьи и съ мучительнымъ надрывомъ стала причитать:

Со-околъ ты мой ясны-ый
Да и на кого-же ты меня съ малыми дѣтями поки-нулъ...

Она плакала, и всѣ въ избѣ замолчали и слушали... Потомъ вслѣдъ за Анисьей заплакала Марья, и обѣ причитали звонко на всю избу...

У Кирика дрожали губы,—было жаль умершаго отца,—но онъ крѣпился и держалъ себя твердо, какъ взрослый мужикъ, несмотря на свои тринадцать лѣтъ... Онъ зналъ, что теперь остался единственнымъ работникомъ въ семьѣ, и хотѣлъ-бы помочь матушкѣ и сестрамъ. И какъ только мужики засуетились въ избѣ, чтобъ вынести гробъ, онъ выравнивалъ плечи, — точь-въ-точь какъ это дѣлалъ покойный отецъ, — подошелъ не по-дѣтски крупной походкой къ Анисьѣ и успокаивающе сказалъ:

— Не крушись, мамушка!.. Милостивъ Богъ,—може и не пропадемъ...

Мать сквозь слезы взглянула на него любовно...

Кирикъ помогъ младшей сестрѣ Варюшкѣ одѣться, самъ повязалъ ей на голову старую теплую шаль, и кончики затянулъ на спинѣ крѣпкимъ узломъ, чтобы не продувалъ вѣтеръ. Потомъ помогъ мужикамъ вынести гробъ и установить на ветхія дровнишки, попробовалъ, крѣпко ли настланы доски, поправилъ солому и свѣжія зеленяя елочки на передкѣ дровней и вмѣстѣ съ молчаливо-серьезной толпой направился къ церкви.

Дядя Федоръ шагаль тяжело и медленно рядомъ, ласково придерживая его за плечо. На поворотѣ къ церковной площади онъ глубоко вздохнулъ, придвинулся ближе къ Кирику и задушевно-участливымъ голосомъ сказалъ:

— Вотъ она мужицкая недоля!.. Съ малыхъ лѣтъ — труды, заботы да печали... Ну-къ, што-же дѣлать, Кирикъ?.. Коли придется круто,—чать свои люди,—поможемъ!..

Ласковыя слова дяди подбодрили Кирика. Онъ почувствовалъ, какъ въ немъ вдругъ прибыли силы. И окрѣпло давешнее рѣшеніе замѣнить семьѣ покойнаго отца.

Ничего не сказавъ дядѣ, онъ обернулся посмотреть, гдѣ мать и сестры. Даша и Варюшка быстро шагали, сцѣпившись за руку. Варюшка вся утонула въ большомъ платкѣ. Мать шла, убитая горемъ, опустивъ голову.

Приливъ нѣжной любви охватилъ Кирика.

— Милыя вы мои! — мысленно произнесъ онъ... И сталъ думать о томъ, сумѣеть-ли позаботиться о нихъ такъ, какъ это нужно...

II.

Школьный учитель Василій Мироничъ былъ очень опечаленъ, когда Кирикъ рассказалъ ему, какая бѣда стряслась въ его семьѣ, и въ заключеніе сообщилъ, что онъ вынужденъ оставить школу.

Изъ холщевой поношенной сумочки Кирикъ вынималъ школьные учебники, книги для чтенія, аспидную доску, карандашъ и «вставочку» съ перомъ для

письма. Василій Миронычъ внимательно слушалъ его, выражалъ сожалѣніе и отмѣчалъ въ памятной книжкѣ все, что подлежало возвращенію. Карандашъ, «вставочку» и аспидную доску онъ оставилъ у Кирика.

Затѣмъ онъ пригласилъ Кирика къ себѣ въ учительскую комнату, куда приглашалъ всегда только родителей. Оба сѣли за столъ. Василій Миронычъ предложилъ Кирику чаю. Кирикъ отказался. Бесѣдовали о разномъ. Кирикъ велъ себя, какъ взрослый, серьезно, и учитель вглядывался въ него со вниманіемъ.

Василій Миронычъ хотѣлъ его уговорить, чтобъ онъ весной держалъ выпускной экзамень. Школа въ селѣ Камаевкѣ, гдѣ они жили, была небольшая, экзамены сдавали не болѣе пяти-шести человѣкъ, и учителю не хотѣлось лишаться самаго лучшаго изъ учениковъ. А Кирикъ учился образцово, его постоянно ставили всѣмъ въ примѣръ, и Василій Миронычъ втайнѣ не разъ уже рисовалъ себѣ, какъ на экзаменахъ Кирикъ отличится своими знаніями передъ инспекторомъ и попечителемъ школы.

— Такъ какъ-же?.. Придешь экзаменоваться или нѣтъ?..—тревожно спрашивалъ онъ, придвигая къ Кирику худое желтое лицо съ острой маленькой бородкой.

Кирикъ въ грустной нерѣшительности колебался. Ему было жаль разставаться съ школой, въ которой онъ провелъ столько лучшихъ и радостныхъ дней.

— Не знаю, Василь Миронычъ... Работы много... Съ работой надо управиться, одинъ я остался дома изъ мужиковъ-то... Теперь за весну шибко отстану отъ товариш-щей, и на экзаменѣ только васъ острамлю...

— Ну, зачѣмъ-же осрамиться?... Не осраимся!—настойчиво уговаривалъ его учитель.—По правдѣ сказать, ты такъ хорошо подготовленъ, что сразу хоть на экзаменъ выходи...

Кирикъ весь ярко зардѣлся отъ похвалы. Учитель продолжалъ:

— Забѣгай въ свободное время!.. Я съ удовольствіемъ займусь съ тобой!..

Кирикъ растроганно отвѣтилъ:

— Спасибо, Василь Миронычъ!.. Коли будетъ досугъ, обязательно стану заходить... Времени-то вотъ у меня, бѣда моя, мало...

— Что-же ты намѣренъ дѣлать?—вдругъ поинтересовался учитель.

Кирикъ оживился... Ему давно хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими планами, и онъ горячо заговорилъ:

— Къ веснѣ хозяйство налаживать надо будетъ... Первое дѣло, арендные за землю уплатить, потомъ съ яровыми отсѣяться... Пахать одинъ не управлюсь,—со стороны кого-нибудь наймемъ... А то такъ въ праздникъ,—мірской помощью... Денегъ много потребуется... Буду стараться теперь, -- извозомъ заниматься, или еще чѣмъ, — рожь на элеваторъ съ дядей Федоромъ возить, пассажировъ въ городъ... Надо какъ-нибудь копейку достать... Работать стану...

Кирикъ вытянулъ впередъ покрытыя коричневымъ загаромъ руки, Василій Миронычъ взволнованно поднялся и заходилъ по комнатѣ.

— Такъ, такъ!.. Ну, дай Богъ тебѣ удачи!..

На прощанье онъ подарилъ Кирику книгу,—избранныя сочиненія Пушкина, и сдѣлалъ на ней надпись: «Знаніе—свѣтъ. Лучшему и достойному ученику, съ любовью—учитель Василій Кедровъ».

III.

Масленицу и великій постъ Кирикъ вмѣстѣ съ дядей Федоромъ возилъ на элеваторъ рожь и два раза ѣздилъ въ городъ. Весна была поздняя, санный путь держался долго, и Кирикъ радовался тому, что могъ проработать нѣсколько лишнихъ зимнихъ недѣль.

Въ концѣ марта, передъ Пасхой, сразу потеплѣло... Снѣгъ дружно и быстро сталъ таять, разрыхлился, осѣлъ и почернѣлъ. Небо заголубѣло прозрачно, по весеннему, горячіе солнечные лучи щедрыми потоками полились на землю. Въ затишьи пригрѣтыхъ гуменъ и на пригоркахъ обнажилась прошлогодняя подсохшая травка. И вербы распушили свои пушисто-бѣлыя почки: причудливыми толпами онѣ жалась къ дорогамъ и избамъ.

Ледъ на рѣкахъ еще не тронулся, но уже мѣстами по оврагамъ бурлили звонкіе ручьи и шумно вливались въ рѣки, образуя широкія вздувшіяся полыньи. Мужики ждали большой «полой воды»: по ихъ примѣтамъ это всегда бываетъ въ годы, когда—«мокрая осень, снѣжная зима и поздняя весна».

Кирикъ снаряжался въ городъ. Онъ подрядился везти застрявшаго въ Камаевкѣ живописца, подновлявшаго иконостасъ для церкви, и хотѣлъ двинуться въ путь съ раннего утра, когда снѣгъ еще скованъ морозомъ и лежитъ твердымъ и жесткимъ пластомъ на поляхъ.

Солнце еще не взошло. На востокѣ яркими рубинами играла заря... Свѣжій перво-апрѣльскій утренничекъ пріятно пощипывалъ за щеки.

Кирикъ налаживалъ взятыя у сосѣда рогожныя сани, въ которыя была впряжена Карюха, старая и добрая лошадь, прослужившая его семьѣ много лѣтъ. Въ школьную сумку онъ положилъ ковригу хлѣба, сунулъ на передокъ саней отцовскій чапанъ, потрепалъ по холкѣ Карюху и сталъ прощаться со своими.

Анисья и сестры вышли его проводить. Анисья потрогала рукой сани, посмотрѣла на свѣтлѣющее ласково-голубое небо и съ безпокойствомъ сказала:

— Останься лучше, Кириуша, дома!.. Видишь, время-то какое,—непутевое... Кабы грѣхъ какой не вышелъ... Не потони!..

Кирикъ тревожился и самъ, но онъ не хотѣлъ показывать своего чувства передъ матерью и, стараясь казаться бодрымъ, отвѣтилъ:

— Ничего не приключится, мамушка!.. Надо-же кому-нибудь работать!..

— А то остался бы, родной, — сказала Анисья.— Болитъ что-то у меня сердце за тебя!..

Слова матери вселили въ Кирика непонятный суевѣрный страхъ... Онъ попробовалъ его прогнать, оправился и рѣшительно заявилъ:

— Нѣтъ, мамушка, поѣду!..

И, точно сваливъ съ души тяжесть, даже пошутилъ съ Варюшкой:

— Гостинцу тебѣ, Варюшка, изъ городу привезу!..

Варюшка разинула до ушей грязный ротъ и довольно засмѣялась:

— Пливези, Килюска!..

Анисья долго цѣловала его и благословляла на дорогу, точно отправляла на смерть. А когда онъ отъѣхалъ отъ воротъ, всѣ долго смотрѣли ему вслѣдъ, пока онъ не скрылся изъ виду.

У вѣзжей избы Кирикъ остановился. Быстро онъ вбѣжалъ по досчатымъ ступенькамъ крылечка и вскорѣ вынесъ, сгибаясь подъ тяжестью, плотно на-

битый чемоданъ путника. Живописецъ, высокій мужчина, съ аккуратно подстриженной бородкой, въ пальто съ барашковымъ воротникомъ и въ мерлушечей шапкѣ, недовѣрчиво посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Довезешь, малецъ?..

Кирикъ выпрямился во весь ростъ и съ достоинствомъ отвѣтилъ:

— Не впервой ѣзжу!.. Довезу...

— Не искупаемся въ овражкахъ?..

Кирикъ ухмыльнулся:

— Зачѣмъ-же купаться?.. Теперь не лѣто... Вотъ подождемъ лѣта, тогда и купаться станемъ!..

IV.

За селомъ начинались пашни... Мѣстами онѣ были обнажены и на буграхъ съ крикомъ разгуливали, поворачивая черныя головы, первые прилетные грачи.

Солнце косыми красноватыми лучами било во встрѣчныя березки и вербы.

Кирикъ стоялъ на передкѣ, бойко потряхивалъ веревочными возжами и рѣзво понукалъ Карюху:

— Нно, мил-лая!.. Потрудись...

Онъ думалъ о томъ, какъ-бы поскорѣе добраться до вымощенной «тракторной» дороги. Она начиналась за десять верстъ отъ Камаевки... Ѣхать по ней было уже безопасно... На топкихъ мѣстахъ тамъ были возведены насыпи, а черезъ овраги устроены плотины и мосты.

Кирикъ мысленно прикидывалъ, сколько верстъ онъ проѣхалъ и сколько еще осталось ѣхать. Въ трехъ верстахъ отъ ихъ села находилось первое топкое мѣсто, Устинъ Долъ. Маленькій ручеекъ этого Дола, пересыхающій лѣтомъ, къ веснѣ превращался въ глубокую и бурливую рѣку... Кирикъ зналъ, что въ Устиномъ Долу во время распутицы однажды даже утонулъ ихъ однообщественникъ мужикъ.

— Только бы благополучно миновать Устинъ Долъ,—думалъ Кирикъ...—А тамъ Кривая Балка уже не такъ страшна!..

Кривой Балкой назывался второй небольшой овражекъ на пути изъ Камаевки.

Онъ время отъ времени поглядывалъ на солнце, которое—какъ казалось ему—съ неимовѣрной быстротой поднималось все выше и выше и жадно пило влагу земли, растопляя глубокіе снѣга. Поля курились бѣлымъ легкимъ паромъ. Далеко въ небѣ слышался неясный крикъ перелетныхъ птицъ.

Къ Устину Долу вель длинный спускъ. Сани катились легко, и Карюха пошла веселѣй.

Живописецъ на спускѣ приподнялся въ саняхъ и зоркими внимательными глазами сталъ всматриваться впередъ.

— Ну, что?.. Какъ?..

— А ничего... Проѣдемъ!—увѣренно отвѣтилъ Кирикъ.—Теперь всю воду морозомъ въ снѣгъ подобрало...

Долъ темнѣлъ спокойно и загадочно... Кое-гдѣ по берегамъ его свисали бахромой ледяныя сосульки и иглы, тонко обточенныя солнечными лучами. Внизу тяжелымъ пластомъ лежалъ покоробленный и осѣвшій снѣгъ... Подъ нимъ чуть слышно вздыхала и бурлила вода... Дорога еще уцѣлѣла и,—какъ черный узкій обледенѣвшій мостъ,—перекидывалась съ одного берега на другой.

Умная Карюха, настороживъ острія и тонкія уши, прошла осторожно по этому снѣжному мосту, который не сегодня-завтра долженъ былъ разрушиться. Кирикъ повеселѣлъ. Очутившись на другомъ берегу, онъ съ облегченіемъ вздохнулъ и сказалъ:

— Вотъ, славу Богу, и проѣхали!..

Безъ приключеній миновали и Кривую Балку. И когда Кирикъ выѣхалъ на «трактъ», ему было радостно отъ того, что кругомъ такъ шумно, свѣтло и тепло... Пробѣжала почтовая тройка, побрякивая колокольцами. Въ ладъ весеннимъ пѣснямъ гудѣли телеграфныя проволоки на столбахъ...

Кирикъ по-ямщицки намоталъ возжи на руку... Карюха прибавила шагу и застучала подковами по хорошо накатанной дорогѣ...

V.

Въ городѣ живописецъ далъ Кирику пять рублей и еще полтинникъ прибавилъ на чай.

Близилась ночь, и Кирикъ рѣшилъ двинуться въ обратный путь на слѣдующій день. Надо было дать отдыхъ и Карюхѣ.

На знакомомъ постояломъ дворѣ Кирикъ далъ лошади корму, а самъ пошелъ купить, что нужно.

Пятирублевую бумажку онъ замоталъ въ тряпочку и крѣпко завязалъ около креста, чтобъ не потерять. А изъ чаевыхъ денегъ гривенникъ оставилъ за ночлегъ, на гривенникъ купилъ баранокъ для дома, за двугривенный платокъ для мамушки, за семь копеекъ красную ленточку для Даши и за три копейки деревяннаго медвѣдика для Варюшки. Только себѣ онъ ничего не купилъ... «Ну, да мнѣ ничего и не надо!..—подумалъ онъ...—Обойдется и такъ»!..

Передъ праздникомъ городъ оживленно суетился. Постоялый дворъ, гдѣ остановился Кирикъ, находился около базарной площади... Кирикъ любовался на разныя диковинныя вещи... На площади воздвигали балаганы, натягивали брезентъ на крышахъ наскоро сколоченныхъ построекъ, прибывали вывѣски... Кирикъ разсматривалъ на вывѣскахъ дикихъ звѣрей, какую-ту полу-женщину, полу-рыбу, плавающую въ водѣ, размалеванныхъ синими и желтыми красками индѣйцевъ... Близъ одного балагана ему попались чудные черные люди въ полосатыхъ широкихъ платьяхъ... «Должно быть арабы!.. — подумалъ онъ...—Вотъ хорошо было-бы показать все это Дашѣ съ Варюшкой»...

И еще понравились ему качели съ лодочками для катающихся и расшита золотомъ и серебромъ вертящаяся карусель.

Уже темнѣло, когда онъ возвращался на постоялый дворъ. Съ крышъ домовъ на улицахъ падала капель и было тепло... Кирикъ вспомнилъ, что завтра ему надо отправляться къ Камаевку, и его охватила тревога... Продержится-ли дорога еще одинъ день?.. Хорошо, если-бы ночью опять ударилъ сильный морозецъ... А что если вдругъ пойдетъ дождь?..

Онъ посмотрѣлъ на небо... Оно было сплошь покрыто сѣрой пеленой и накрывало землю, какъ душная овчина. И вѣтеръ съ юго-запада обдавалъ влажной сыростью...

На улицахъ торопливыми тѣнями двигались пѣшеходы... Издали доносился заунывный звонъ великопостной службы...

Кирику стало грустно...

— Нѣтъ, не будетъ завтра мороза!..—рѣшилъ онъ.

ТОВАРИЩИ ПО НУЖДЪ.

Подбросивъ Карюхѣ остатки сѣна, взятаго изъ дома, онъ вошелъ въ грязное и людное помѣщеніе для ночлега...

Пахло лукомъ, постнымъ масломъ, кислой капустой и рѣдкой... На длинныхъ скамьяхъ за столомъ ужинали проѣзжающіе мужики и о чемъ-то громко бесѣдовали...

Кирикъ незамѣтно сѣлъ въ углу, развязалъ свой холщевый мѣшечекъ и сталъ жевать сухой хлѣбъ... Но ѣсть не хотѣлось... Въ головѣ бродили разныя мысли...

Онъ положилъ хлѣбъ опять въ мѣшокъ и сталъ слушать, о чемъ говорятъ.

— Ты что, паренекъ, заскучалъ?..—обратился къ нему одинъ изъ мужиковъ...—Подсаживайся къ намъ,—вмѣстѣ поспѣдаемъ!..

— Спасибо...—отвѣтилъ Кирикъ...

— Далече ѣдешь?..—спросилъ другой мужикъ.

— До Камаевки...

— Плохая путь стала...—сказалъ первый мужикъ.—Кабысь за ночь дорога не рушилась...

У Кирика тоскливо и болѣзненно сжалось сердце.

VI.

Съ восходомъ солнца тучки въ небѣ разсѣялись... Яркій весенній день золотомъ залилъ бѣлыя заискрившіяся поля... И чѣмъ радостнѣе ликовала вокругъ природа отъ пробуждающейся всюду жизни, тѣмъ тяжелѣе становилось на душѣ у Кирика... Онъ со страхомъ замѣчалъ, какъ за одну ночь рѣзко измѣнилась дорога... Тамъ, гдѣ на склонахъ холмовъ еще лежалъ рыхлый снѣжокъ, теперь чернѣла отогрѣтая влажная земля.

— Сколько снѣгу съѣло за ночь!..—думалъ онъ, подѣзжая къ Кривой Балкѣ...

И онъ ласково шевелилъ возжами, словно просилъ Карюху, чтобъ она собрала всѣ свои силы и выручила его въ бѣдѣ...

Кривая Балка тянулась на нѣсколько верстъ отъ казенныхъ лѣсовъ, гдѣ она развѣтвлялась на отроги. Лѣтомъ это было самое лучшее мѣсто во всей окрестности... По склонамъ Балки росъ густой малинникъ, и деревенскіе ребята ходили сюда за ягодами... А по опушкѣ лѣса собирали крупную душистую розовую клубнику... Кирикъ не разъ бывалъ здѣсь...

Теперь Балка темнѣла зловѣще и угрожающе... Рѣзвые ручейки съ разныхъ концовъ полей вливались въ ея широкое русло... Кое-гдѣ вода проступала ржавыми пятнами сквозь снѣгъ...

Кирикъ остановилъ лошадь, привязалъ къ санямъ веревочкой отцовскій чапанъ на случай, если лошадь увязнетъ въ оврагѣ, чтобы ничего не потерять,—сложилъ въ сумку городскіе гостинцы, перевѣсилъ сумку черезъ плечо и потомъ тронулся впередъ...

По разрыхленной дорогѣ лошадь проваливалась... Кирикъ стоялъ въ саняхъ и все время дергалъ возжами и подгонялъ ее. Напряженно вытянувшись, онъ непрерывно понукалъ лошадь—зная, что застрять на одномъ мѣстѣ значило-бы для него все равно, что погибнуть... И когда Карюха, устало фыркая, останавливалась, онъ нагибался всѣмъ тѣломъ къ передку саней и просительно, почти умоляюще, кричалъ:

— Ну, ну, милая!.. Ну, ну, еще!..

Карюха точно понимала его... Напруживая грудь, она съ усиліемъ вытягивала сани и быстрѣй мѣсила ногами мокрый и вязкій снѣгъ.

Когда, такимъ образомъ, они благополучно перебрались черезъ Балку, Кирикъ вылезъ изъ саней и благодарно потрепалъ Карюху:

— Спасибо, милая!..

Онъ снялъ шапку и вытеръ катившійся съ лица потъ... Ему было жарко... Пришла въ голову мысль о томъ, что дѣлаютъ мать и сестры... Навѣрное, онѣ думаютъ, что его уже нѣтъ въ живыхъ.

Кирику стало страшно среди пустыхъ и безлюдныхъ полей.

Передъ Устинымъ Доломъ онъ останоѣился опять. На самой срединѣ Дола дорога обрывалась... Обледенѣвшій мостъ, по которому они вчера ѣхали, былъ сломанъ... Около него и дальше къ противоположному берегу виднѣлись глубокіе слѣды конскихъ и человѣческихъ ногъ... Въ колдобинахъ стояла и свѣтилась маленькими оконцами просочившаяся вода... Походило на то, что кто-то долго-долго мѣсилъ здѣсь снѣгъ...

Кирикъ соображалъ... Проѣхать въ этомъ мѣстѣ было нельзя... Что-же дѣлать?.. Можетъ быть, выпрячь лошадь изъ саней и переправиться верхомъ?.. Но куда дѣтъ сани?.. Нельзя же оставить ихъ среди поля... И сани чужія, взяты у сосѣда... Развѣ можно допустить, чтобъ онѣ пропали?..

А верхомъ проѣхать можно... Если искупаешься разъ-другой, не бѣда!..

Кирикъ оглядѣлся и замѣтилъ уходящій въ сторону отъ дороги свѣжій санный слѣдъ... Счастливая догадка пришла ему на умъ... Не поѣхать-ли въ объѣздъ Дола?.. Очевидно, незадолго передъ нимъ кто-то такъ и сдѣлалъ... Вверху Долъ былъ мельче и шире...

Кирикъ повернулъ лошадь въ сторону и поѣхалъ цѣлиной по слѣду... Въ полуверстѣ отъ дороги слѣдъ оканчивался и пропадалъ. Передъ Кирикомъ открылось цѣлое озеро воды...

— Надо свернуть здѣсь,—рѣшилъ онъ, вспоминая въ подробностяхъ знакомую мѣстность, и направилъ лошадь прямо въ воду...

Было мелко... Вода хлюпала подъ ногами Карюхи и съ тихимъ журчаньемъ ударялась въ деревянные боковины саней, оставляя позади нихъ небольшія кружащіяся воронки. На срединѣ Долъ сталъ глубже... Вода доходила лошади выше колѣнъ... Сани поплыли и течениемъ ихъ понесло книзу... Кирикъ круто повернулъ лошадь и началъ править противъ теченія, чтобъ подъ угломъ прорѣзать Долъ. Такъ лошадь шла легче и не могла быть сбита течениемъ... Воды прибыло еще... Кирикъ выпрыгнулъ изъ саней... Ноги его скользили по обледенѣвшему дну... Онъ едва не упалъ и почти по поясъ въ водѣ пошелъ, придерживаясь за рогожный задокъ и самъ поддерживая сани и направляя лошадь... Онъ уже пересталъ понукать Карюху и только съ отчаяннымъ усилениемъ издавалъ напряженный крикъ:

— Э-э-о!..

Дальше воды опять было меньше... Горячо и часто дыша, Кирикъ выбрался на берегъ Дола... Уставшая Карюха встряхивала головой...

Кирикъ перекрестился...

Недалеко виднѣлся прежній санный слѣдъ...

Кирикъ сталъ спускаться къ дорогѣ. Влажный вѣтеръ охватывалъ его, мокрая одежда липла къ тѣлу...

Чтобъ согрѣться, онъ побѣжалъ рядомъ съ лошадей, дѣлая движенія руками и тѣломъ.

VII.

Въ селѣ кипѣла весенняя работа... Мужики налаживали бороны и сохи, гомонили на дворахъ и гумнахъ... Около избъ по лужицамъ скакали ребятишки.

Бхать на саяхъ было тяжело... Полозья съ трудомъ двигались по оттаявшей землѣ и навозу и мѣстами утыкались въ кочки.

Ребятишки встрѣтили Кирика радостными криками:

— Глите-ка!.. Кирикъ пріѣхалъ!..

Шумная гурьба побѣжала за нимъ...

Когда Кирикъ остановился около своей избы, магъ и сестры, завидя его въ окно, вышли его встрѣтить...

Варюшка выскочила босая, запрыгала около саней и закричала:

— Килюска велнулся!.. Какой онъ весь моклый!..

Кирикъ отвязывалъ отъ саней отцовскій чапанъ. Онъ повернулся къ Варюшкѣ и ласково отвѣтилъ:

— А я тебѣ, Варюшка, гостинецъ привезъ...

Анисья любовно обняла его и прижала къ груди...

— И тебѣ, мамушка, подарокъ привезъ,—вдругъ задрожавшимъ голосомъ сказалъ Кирикъ...

И въ первый разъ послѣ смерти отца по лицу его потекли непонятныя слезы...

Ласковое солнце горѣло вверху и золотило избы... Свѣтлыя слезы дрожали въ глазахъ Кирика... И казалось, что нѣтъ на свѣтѣ ни холода, ни тьмы, ни опасностей,—а есть только одна радостная и вѣчная любовь...

VIII.

Послѣ экзамена въ учительской комнатѣ собрались вмѣстѣ: Василій Миронычъ, инспекторъ Феликсовъ, полнощекій пожилой мужчина въ мундирѣ, священникъ отецъ Никаноръ, сѣденькій добродушный старичекъ, и попечитель школы—мѣстный арендаторъ Платоновъ. Бесѣдовали о Кирикѣ, который отличился своими отвѣтами на экзаменѣ.

— Удивительная судьба этого мальчика,—говорилъ Василій Миронычъ.— Зимой у него умеръ отецъ, и онъ остался единственнымъ кормильцемъ въ семьѣ... И надо отдать справедливость, работалъ онъ прямо на рѣдкость, не всякій мужикъ такъ способенъ работать... Въ морозъ, въ распутицу, въ непогоду—трудился, не покладая рукъ... Въ раздополье только какимъ-то чудомъ спасся отъ смерти... Чуть не потонулъ въ Устиномъ овражкѣ, простудился и недѣлю потомъ хворалъ... А теперь вотъ, смотрите-ка, безъ подготовки пришелъ на экзаменъ... Смѣлость и сообразительность этого мальчика прямо замѣчательны... Да, богатъ талантами нашъ народъ, и очень жаль, что они гибнуть безъ развитія...

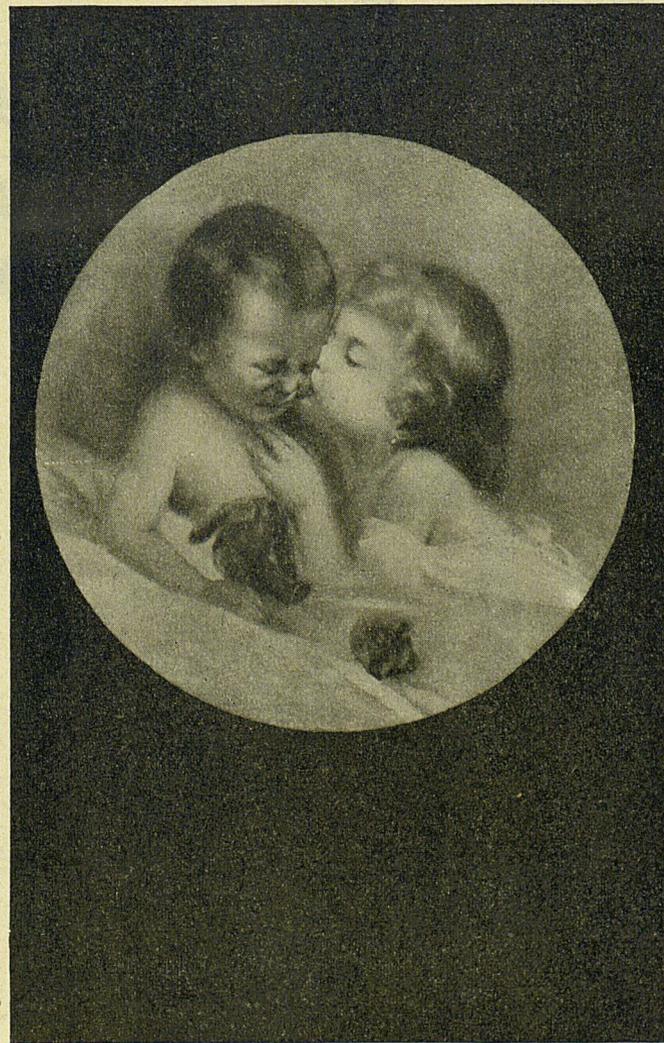
— Ну, зачѣмъ-же гибнуть?..—замѣтилъ попечитель...—Конечно, лучше-бы дать этому мальчику образованіе... Но что-же дѣлать?.. А хорошіе люди вездѣ нужны... Это,—я сказалъ-бы,—рѣдкіе свѣточи жизни, съ которыми всѣмъ легче и радостнѣй живется... Будетъ онъ настоящимъ хорошимъ крестьяниномъ,—образцомъ подражанія для другихъ... Развѣ это плохо?..

Учитель сталъ возражать... Инспекторъ принялъ его сторону, и всѣ заспорили.

Ал. Богдановъ.

Шрамъ. ЗА ПАПУ и МАМУ!

Шрамъ. НЕУТЪШНОЕ ГОРЕ.

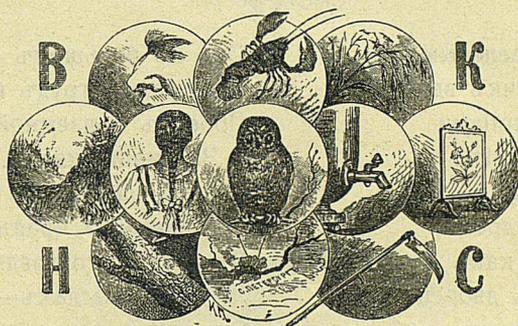
СКАЗКА О ПЧЕЛКЪ-БОЖЬЕЙ РАБОТНИЦЪ.

ТРАКЪ изъ улія душистаго,
Лишь росой умылась зорюшка,
Вылетала пчелка малая
И садилася на липовъ-цвѣтъ,
А росла та липа до-небу...
За работой не до времени,
Ужъ клонилось солнце къ вечеру,
Медъ янтарный собираючи,
Залетѣла пчелка на небо.
Видитъ, теремъ въ свѣтломъ облакѣ
Предиковинно украшенный,
Словно радуга расписанный.
У крыльца стоятъ два ангела,
Ярки ризы ихъ нарядныя,
А въ рукахъ мечи горящіе
Непрестаннымъ, грознымъ полымемъ.
Пчелка терему дивуется;
Пожужжала, покружилася
И влетѣла въ дверь двухстворчату,
Во святу-свѣтлицу Божію.
Во свѣтлицѣ злато, серебро,
Во свѣтлицѣ семь свѣтильниковъ,
И куренье благовонное,
Два оконца, два косятчата,
Красно солнце блещетъ въ правое,
А напротивъ смотритъ въ лѣвое
Мѣсяцъ младъ и звѣзды частыя,
За столомъ, какъ жаръ, сверкающимъ
Самъ Господь, въ пречистомъ образѣ.
Онъ въ рубахѣ шелка бѣлаго,
А порты изъ рыта-бархата,
Борода сѣдая по поясъ,
На лицѣ морщины строгія
Ослѣпило пчелку благостію.

Полетѣла пчелка къ Господу,
 Въ бородѣ его запуталась
 И жужжить, не можетъ выбраться;
 Тутъ Господь съ улыбкой ласковой,
 Изъ напасти пчелку вызволилъ.
 Говорилъ ей такovy слова:
 «Ахъ, ты пчелка непосѣдная,
 Чѣмъ тебя, мою работницу,
 За твои труды пожаловать?
 Любы мнѣ огни церковныя
 Любы слезы воску яраго».
 Отвѣчала пчелка Господу:
 «Не прогнѣвайся, о Господи,
 Я бѣ хотѣла быть не пчелкою,
 А царицей православною».
 Лишь успѣла пчелка вымолвить,
 Какъ быстрѣ синей молніи
 Объявилась царицею
 Въ бѣлостѣнномъ стольномъ городѣ.
 Высоки хоромы свѣтлыя.
 Окна весело расцвѣчены,
 Передъ древней образницею,
 Мастерской рѣзбой по дереву,
 Тяжела лампада теплится;
 Золоты корцы, узорочья,
 И столы, скамьи дубовыя.
 Пчелку малую, смиренную,
 Не узнать въ красѣ и пышности.
 По хоромамъ ходитъ павою,
 А нарядъ весь затканъ жемчугомъ;
 Парчевой, съ собольей выпушкой,—
 Яства сахарныя пробуетъ,
 И учтивы рѣчи слушаетъ.
 Гуслияры поютъ со гуслиями,

Скоморохи тѣшатъ придурью.
 Воютъ карлы бородатыя.
 Минулъ день веселымъ праздникомъ,
 На другой—опять веселіе,
 Что ни часъ, забава новая:
 Пляски съ бурыми медвѣдями,
 Звѣрованье въ страшныхъ машкерахъ,
 Удалы бои кулачныя,
 Вихрелеть на тройкахъ бѣшеныхъ.
 Все-то пчелкѣ приглядѣлося,
 Все-то скоро ей прискучило,
 Захотѣлось неба яснаго,
 Захотѣлось поля чистаго,
 Духовитыхъ, тихихъ цвѣтиковъ,
 Надоѣло быть царицею,
 И взмолилась пчелка Господу:
 «Ты прости меня, о Господи,
 Ты верни мои мнѣ крылышки,
 Отпусти на волю вольную».
 Внялъ Господь ея раскаянью
 И сказалъ во славѣ мудрости:
 «Всякой твари жизнь разумная,
 Всякой твари радость разная».
 Сномъ распалось царство шумное,
 Полетѣла пчелка весело
 Черезъ рѣчки, черезъ рощицы
 Въ улей свой, подъ липовъ-цвѣтъ.
 Съ той поры осталась памятка,
 Какъ была она царицею
 И ходила пышно въ золотѣ,
 Такъ поднесъ блеститъ на солнышкѣ.
 Золотая чудотворица,
 Божья вѣрная работница.

Александръ Рославлевъ.

Художественный акростихъ.

Всѣ предметы, изображенныя въ кругахъ составлены изъ буквъ, которыя входятъ въ фамилію извѣстнаго русскаго писателя.—Угадайте—какого.

Морганъ.

КРѢПОСТЬ ВЗЯТА!

ЛѢСОВИКИ.

Сказка-феерія.

Нодъ соснами зелеными
 Засѣлъ на кочкѣ вдругъ
 Съ желѣзными законами
 Лѣсной царекъ-паукъ.
 И думу неотъемлему
 Надумалъ онъ-мудрецъ,
 Чтобъ весь народъ, какъ кремль, ему
 Въ лѣсу воздвигъ дворецъ.
 Грозя крутыми мѣрами,
 Гласить указъ царевъ:
 Назначить инженерами
 Путейцевъ-муравьевъ...

Они въ большомъ уныніи,
 Тяжелый трудъ имъ данъ:
 Проектъ подземной линіи
 За синій океанъ.
 Лѣсной народъ не радуется
 Пришельца нравъ крутой;
 Въ странѣ торговля падаетъ,
 На промыслахъ—застой.
 Отъ всѣхъ повиновеніе
 Лѣсному пауку,
 А нѣтъ—въ одно мгновеніе
 Повѣсятъ на суку...

Царька плѣнилъ талантами
 Гусярь-комарь-пѣвецъ;
 Рѣшилъ онъ брилліантами
 Украсить свой вѣнецъ.
 И, въ думахъ посѣдѣлые,
 Дьячки въ сенатъ пошли;
 Чернилъ ушаты цѣлые
 Въ телѣжкахъ повезли...
 Для царскаго регламента
 Хватило тамъ едва
 Двѣнадцать пудъ пергамента,
 Да перьевъ пуда два.
 У старыхъ взоръ туманится,
 Горбаты всѣ давно,
 А грамота все тянется,
 Ползетъ, какъ полотно...
 Они законы новые
 Строчили круглый годъ;
 Тенета ихъ суровыя
 Тѣснятъ лѣсной народъ.
 Послы шагами скорыми,
 Споткнувшись тридцать разъ,
 Лѣсными коридорами
 Въ народъ снесли указъ...
 Была бумага читана
 Герольдами съ крыльца:
 Достать должны—гласить она—
 Три камня для вѣнца!
 Искать ихъ всѣ обязаны
 Въ полночный часъ, въ пятокъ!

Плыть за море приказано
 Посольству на востокъ!..
 Всѣ съ грамотой въ уныніи
 На пристань поползли,
 Гдѣ море темносинее
 Качаетъ корабли...
 Флотилію наладили
 И съ золотомъ пословъ
 Въ опасный путь спровадили
 Подъ гуль колоколовъ...
 Какъ броненосцы, черные
 Въ заливъ плывутъ жуки;
 Огни зажгли дозорные
 На мачтахъ свѣтляки...
 На вахтѣ, за фарватеромъ
 Въ бинокль слѣдитъ матрость;
 Въ хвостѣ плывутъ за катеромъ
 Окурки папирость...
 Гдѣ былъ маякъ—за плесами
 На царскій пароходъ
 Съ посольскими матросами
 Напалъ подводный флотъ...
 Въ заливъ подкравшись бандою,
 Какъ море, голубой,
 Онъ бросился съ командою
 Въ суровый грозный бой...
 Эскадры въ схватку хлынули
 И, словно угольки,
 Разсыпали, раскинули
 Надъ моремъ огоньки...

Борисъ Богомоловъ.

Угадайте, какаѧ пословица изображена здѣсь?

ИСПУГЪ МАТЕРИ.

Людвигъ Минты.

Разсказъ Германа Шеффауэра.

Была полночь. Весь Нью-Йоркъ изнемогалъ отъ жары. Небо казалось раскаленнымъ, изрѣдка на немъ мелькали молніи. На землѣ было еще хуже, недоставало воздуха, молніи электрическихъ трамваевъ и поѣздовъ, то и дѣло, сверкали въ темнотѣ, освѣщая все кругомъ своимъ зеленоватымъ свѣтомъ. Была жаркая, невыносимая августовская ночь!

Зданіе, въ которомъ находилась жалкая лавчонка портного Жозефа Марсумъ, жившаго въ ней съ молодой женой и крошечнымъ ребенкомъ, почти вплотную, прижалось къ исполинскому, новому мосту, переброшенному черезъ рѣку. Когда этотъ мостъ строили, зданіе это хотѣли было снести, но оно какимъ-то чудомъ уцѣлѣло, хотя своей крышей почти дотрагивалось до верхней части моста, представлявшей изъ себя огромную гранитную колонну.

На всѣхъ балконахъ пятиэтажнаго дома виднѣлись матрацы, на этихъ матрацахъ, въ изнеможеніи, лежали люди, неподвижные, какъ трупы. На одномъ изъ этихъ балконовъ третьяго этажа, въ состояніи почти уже обморочномъ, лежалъ уличный музыкантъ Сандро Прелли, рядомъ съ нимъ, свернувшись клубочкомъ, виднѣлось какое-то существо, съ перваго взгляда напоминавшее въ такомъ положеніи собаку, но эта была обезьяна Минта, вѣрная спутница и самый преданный другъ музыканта.

Вдругъ высоко въ небѣ надъ ними раздался пронзительный крикъ ребенка,

Минта подняла голову и насторожила уши, потомъ поднялась на ноги, причемъ оказалось, что она была очень высокаго роста и быстро стала карабкаться по водосточной трубѣ наверхъ на крышу, откуда несся крикъ ребенка.

На плоской большой крышѣ вездѣ на матрацахъ лежали тоже люди, можно было подумать, что это одна большая общая спальня. Проворная Минта быстро пробралась въ уголокъ, гдѣ лежала молодая женщина съ ребенкомъ, это была жена портного Марсума, она улыбнулась при видѣ обезьяны, такъ какъ знала, что ея сынъ очень подружился съ ласковымъ животнымъ. Обезьяна присѣла на корточки и дотронулась маленькой, сморщенной рукой до ребенка, мальчикъ тотчасъ же пересталъ плакать и улыбнулся своему другу. Минта стала ласково поглаживать его голенькое тѣлице, молодая мать лежала безучастно рядомъ, она вполнѣ довѣряла обезьянѣ.

Вдругъ Минта чихнула, ребенокъ слегка закашлялся, молодая женщина очнулась отъ своей дремоты,—что это въ воздухѣ запахло вдругъ гарью? стало какъ будто еще жарче?

Внизу раздавался шумъ голосовъ, на крышу выбѣжало нѣсколько людей, испуганныхъ и растерянныхъ, среди нихъ былъ также и портной, онъ вбѣжалъ первый, съ крикомъ:—пожаръ, горимъ!

И дѣйствительно, съ задней стороны дома показалось пламя и освѣтило крышу. Всѣ бросились къ единственному выходу, ведущему съ крыши, произошла страшная давка и толкотня.

— Сарра, пойдемъ,—крикнулъ Марсумъ женѣ,—помоги мнѣ вынести снизу мать, оставь здѣсь ребенка, я вернусь потомъ за нимъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—съ отчаяніемъ воскликнула молодая мать,—я не оставлю его.

— Но увѣряю тебя, что здѣсь онъ въ большей безопасности.

Онъ выхватилъ ребенка изъ ея рукъ, положилъ его на матрацъ, схватилъ жену за руку и потащилъ ее внизъ. Минта тотчасъ же обняла ребенка и прижала его къ своей груди, какъ бы защищая. Портной и его жена, съ трудомъ добрались до третьяго этажа, гдѣ лежала въ постели, разбитая параличемъ старуха, съ неимоверными усиліями удалось имъ, обоимъ вмѣстѣ, вытащить ее внизъ на улицу, затѣмъ портной бросился снова вверхъ по лѣстницѣ на крышу но прямо на него подуло пламенемъ, густой дымъ охватилъ его со всѣхъ сторонъ, онъ, не помня себя, бросился назадъ и свалился у ногъ жены въ глубокомъ обморокѣ.

— Мое дитя, мой мальчикъ! — воскликнула молодая женщина и хотѣла броситься въ горящій домъ.

Но пожарные не пустили ее, все зданіе теперь было уже объято пламенемъ, жара стояла нестерпимая. Бѣдная мать упала тутъ же около моста безъ чувствъ, какая-то сострадательная женщина старалась привести ее въ чувство, поливая ей голову водой, рядомъ съ ней лежала мать портного и только безпомощно озиралась кругомъ, самъ портной подходилъ то къ матери, то къ женѣ и шепталъ имъ что-то сквозь слезы.

Сандро Прелли удалось спасти свою шарманку, но онъ бродилъ грустный и растерянный, такъ какъ нигдѣ не могъ найти Минты.

Наступало утро, крыша въ горящемъ домѣ давно уже провалилась, пожаръ стихалъ, толпа, мало-по-малу, расходилась.

Но вдругъ среди оставшихся произошло какое-то движеніе, всѣ стали смотрѣть наверхъ на одну изъ колоннъ моста и указывали на что-то другъ другу. Портной тоже совсѣмъ машинально пошелъ посмотрѣть, на что смотрятъ другіе.

жена его лежала такъ, что ей видно было его лицо, и она увидѣла на этомъ лицѣ сначала удивленіе, потомъ восторгъ и, наконецъ, мужъ подошелъ къ ней и сказалъ прерывающимся голосомъ:

— Сарра, онъ живъ, нашъ ребенокъ живъ!

Молодая женщина, вскочила и бросилась впередъ съ криками:

— Гдѣ, гдѣ?

— Посмотри, наверхъ, вонъ на ту колонну!—сказалъ портной, удерживая ее за руку, въ то время, какъ больная мать его возсылала горячую благодарственную молитву къ Богу.

Сначала Сарра ничего не могла разсмотрѣть, потомъ, вдругъ, она увидѣла высоко наверху обезьяну, а въ рукахъ у нея своего ребенка.

Минта сидѣла неподвижно, прижимая ребенка къ груди, какъ самая нѣжная мать, тѣло дитяти было также неподвижно, несчастной матери показалось, что ея ребенокъ уже умеръ, она, внѣ себя, дико вскрикнула отъ испуга.

Мало-по-малу, около моста собралась огромная толпа народа, всѣ смотрѣли вверхъ и удивлялись. Очевидно, обезьяна съ крыши горящаго дома перебралась съ ребенкомъ, какимъ-то чудомъ, на мостъ, теперь надо было придумать, какимъ бы образомъ выманить у нея ребенка, которымъ она, очевидно, очень дорожила, такъ какъ судорожно прижимала его къ своей груди.

Одинъ изъ пожарныхъ вызвался спасти ребенка, приставили къ мосту нѣсколько лѣстницъ, связали ихъ между собою и онъ осторожно сталъ подниматься наверхъ, на головокружительную высоту, вся толпа внизу слѣдила за нимъ, затаивъ дыханіе, но вдругъ изъ устъ всѣхъ вырвался крикъ ужаса. Обезьяна замѣтила поднимающагося къ ней человѣка, она оцетинилась, оскалила зубы и приняла оборонительную позу,—было видно, что она не легко согласится разстаться съ своей добычей. Въ ту же минуту раздался вдругъ жалобный плачь ребенка, всѣ вздохнули свободнѣе, ребенокъ былъ живъ. Минта погладила мальчика по щекѣ и онъ снова затихъ.

— Вернитесь обратно, не поднимайтесь наверхъ,—кричали пожарному. Онъ подумалъ немного, посмотрѣлъ на Минту и ребенка и, дѣйствительно, сталъ спускаться внизъ.

— По всей вѣроятности, обезьяна проголодалась, надо будетъ приманить ее пищей и лакомствами!—раздался чей-то голосъ изъ толпы и, тотчасъ, съ полдюжины мальчишекъ, быстро вылѣзли на крышу сосѣдняго съ мостомъ дома и разложили тамъ апельсины, орѣхи, пирожныя, поставили даже молоко. Минта сидѣла все такъ же неподвижно, ничто не могло соблазнить ее, она боялась за свое сокровище, которое добыло съ такимъ трудомъ.

А толпа, между тѣмъ, становилась все гуще и гуще, мимо проносились поѣзда и трамваи и изъ cadaго окна виднѣлись головы, всѣ смотрѣли наверхъ, никто не могъ оторваться отъ этого необыкновеннаго зрѣлища.

Вдругъ на крышѣ того же сосѣдняго дома появился человѣкъ съ ружьемъ, повидимому, онъ рѣшилъ выждать моментъ, когда обезьяна выпуститъ ребенка изъ рукъ и тутъ же уложить ее наповаль изъ ружья, но она не обращала на него ни малѣйшаго вниманія. Вдругъ на колоннѣ рядомъ съ обезьяной показался бѣлый голубь, который сталъ медленно подходить къ ней, она свирѣпо оскалила зубы и заворчала на него, но голубь подходилъ все ближе; это вывело ее, наконецъ, изъ себя, она осторожно положила ребенка на каменную птигу колонны и бросилась на своего непріятеля. Голубь поднялся и взлетѣлъ

СПАСЕНИЕ.

наверхъ. Минта сдѣлала прыжокъ за нимъ, этой минутой воспользовался человекъ съ ружьемъ, онъ выстрѣлилъ и попалъ Минтѣ въ плечо, она громко вскрикнула, бросилась къ ребенку и снова судорожно прижала его къ своей груди.

Изъ раны ея, тонкой струйкой, текла кровь, изъ толпы раздались крики сожалѣнія и возмущенія, снова стали совѣщаться и спорить о томъ, какъ бы спасти ребенка, не тронувъ при этомъ обезьяны.

Наконецъ, подъѣхалъ къ мѣсту происшествія и самъ начальникъ полиціи, при видѣ обезьяны съ ребенкомъ, онъ только безпомощно развелъ руками и предложилъ родителямъ, въ случаѣ ихъ согласія, окружить колонну кругомъ людьми съ сѣтками, спугнуть затѣмъ обезьяну сверху и поймать ее вмѣстѣ съ ребенкомъ въ сѣтку. Но портной и Сарра воспротивились этому плану, они не хотѣли рисковать жизнью ребенка.

Вдругъ, въ толпѣ произошло движеніе; съ громкими криками пробирался какой-то черноволосый, худощавый человекъ, это былъ шарманщикъ.

Несчастливая Сарра бросилась къ нему, какъ тигрица и закричала, не помня себя:

— Ваша проклятая обезьяна украла моего ребенка, отдайте его назадъ, отдайте!

Съ трудомъ удалось оторвать обезумѣвшую мать отъ ни въ чемъ повиннаго шарманщика. Онъ самъ, со слезами, смотрѣлъ наверхъ и кричалъ громкимъ голосомъ:

— Минта, Минта, иди сюда!

Но голосъ его пропадалъ въ толпѣ, заглушаемый стукомъ колесъ поѣздовъ и трамваевъ. Минта не видѣла его и не слышала. Бѣдный Прелли разразился цѣлымъ потокомъ брани и проклятій, вѣдь безъ Минты онъ пропалъ, это былъ его лучший другъ, его кормилецъ, но, вдругъ, глаза его сверкнули:—онъ, повидимому, что-то придумалъ и, повернувшись, тотчасъ пропалъ въ толпѣ.

Въ это время уже совсѣмъ разсвѣло, у моста собралась пятитысячная толпа, всѣ говорили и спорили между собою, въ воздухѣ стоялъ гулъ голосовъ. Но вотъ опять показался Прелли, на этотъ разъ, онъ тащилъ съ собой свою шарманку, толпа разступилась передъ нимъ, онъ подошелъ къ самому мосту и сталъ что-то говорить по-итальянски, обращаясь къ полиціи, никто его не понималъ, наконецъ, кто-то изъ толпы перевелъ его слова. Онъ просилъ остановить на нѣсколько минутъ все движеніе на мосту, чтобы обезьяна могла слышать звуки шарманки, тогда бы онъ могъ поручиться за то, что она спустится внизъ. На это представители полиціи только отрицательно покачали головами, но народъ рѣшилъ иначе.

— Остановить поѣзда! остановить трамваи и экипажи!—раздались крики изъ толпы, и скоро крики эти приняли столь единодушный и угрожающій характеръ, что впервые, кажется, полиціи пришлось уступить требованіямъ толпы. По ея знаку, все движеніе на мосту пріостановилось, воцарилась вдругъ мертвая, необыкновенная тишина и въ этой тишинѣ, совершенно отчетливо и ясно, слышались звуки шарманки. Повидимому, они долетѣли до Минты, она услышала ихъ, наклонилась и посмотрѣла внизъ; увидѣвъ своего хозяина, она стала медленно и осторожно, крѣпко прижимая къ себѣ ребенка, спускаться внизъ и, наконецъ, очутилась рядомъ съ Прелли, который, не помня себя отъ радости, крѣпко обнялъ ее за шею, а Сарра и портной обнимали своего ребенка...

Ночь въ лѣсу.

(Изъ жизни въ Закавказьѣ).

Наша дачка стояла въ ущельѣ, на опушкѣ лѣса, на берегу горнаго ручья, мѣнявшаго свое направленіе послѣ каждаго ливня и потому размывшаго такое широкое каменистое русло, что его хватило бы на порядочную рѣку.

Дачка эта была одноэтажная, деревянная, съ тремя обширными балконами-верандами на югъ, востокъ и западъ. Задняя сторона примыкала къ норѣ, и двери съ этой стороны дома выходили прямо въ лѣсъ.

Жилья вблизи насъ никакого не было, если не считать такого же одинокаго домика одного молоканина, расположеннаго на полверсты выше насъ, по теченію русла. Ближайшая деревня находилась отъ насъ за версту.

Насъ жило только двое на дачѣ,— владѣлецъ ея, Яковъ Николаевичъ, да я— пятнадцатилѣтній юноша. У насъ была лошадь Ленька, пара собакъ и разная птица: куры, индюшки, гуси...

По сосѣдству съ нами былъ садъ стараго грузина Осипа, но онъ жилъ тамъ лишь во время созрѣванія фруктовъ и винограда, а остальное время года находился въ деревнѣ, за нѣсколько верстъ, гдѣ у него было хозяйство.

Въ ущельѣ этомъ я проводилъ каникулы въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, но мнѣ особенно памятна первая ночь, проведенная мною въ полномъ одиночествѣ, въ лѣсу.

Выѣхавъ изъ города поздно ночью, мы добрались до дачи только къ утру.

— Ну-съ,— сказалъ Яковъ Николаевичъ, раньше предательски молчавшій,— я покормлю Леньку и поѣду дальше, мнѣ нужно съѣздить въ имѣніе князя Б. за пятьдесятъ верстъ и вернуться только послѣзавтра. Вы не будете бояться?

— Конечно, нѣтъ!— отвѣчалъ я, боясь признаться, что трушу, а у самого кошки заскребли на сердцѣ. «Одинъ, ночью, въ лѣсу, въ незнакомомъ мѣстѣ,— думалъ я.— Брр... Но дѣлать нечего, придется покориться необходимости».

И вотъ, когда солнце уже стало садиться за горы, онъ запрегъ Леньку въ телѣгу и тронулся въ дальнѣйшій путь. Я же остался одинъ.

— На всякій случай,—сказалъ онъ,—вотъ вамъ ружье.

И онъ снялъ со стѣны огромную одностволку, передѣланную изъ солдатскаго ружья, времянь Екатерины.

— Оно стрѣляетъ, какъ пушка... Только при выстрѣлахъ держите крѣпче, а то отдастъ такъ, что на плечѣ получится синякъ... Прощайте!..

Догоралъ тихій лѣтній вечеръ. Горы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ садилось солнце, окутались фіолетовой дымкой. Въ воздухѣ не было ни малѣйшаго движенія. Цикады и кузнечики еще трещали въ лѣсу и травѣ, да задорно цокали черные дрозды на опушкѣ, но чувствовалось уже, что это послѣдніе звуки дня, что скоро ихъ смѣнятъ другіе, непонятные и таинственные, наводящіе жуть.

Я поставилъ себѣ маленькій самоварчикъ на площадкѣ передъ дачей и ждалъ, когда онъ закипитъ, чтобы пить чай. Собаки—Арапка и Пальма—лежали около меня въ травѣ...

Дымокъ отъ самовара тоненькой синей струйкой поднимался высоко въ неподвижномъ воздухѣ и таялъ.

Но, вотъ, солнце совсѣмъ спряталось за горы, свѣтлая даль погасла,—нѣсколько минутъ сумерекъ—и темная южная ночь окутала и горы и лѣсъ. На потемнѣвшемъ небѣ вспыхнули и засверкали звѣзды, какъ алмазныя росинки, и млечный путь протянулся изъ края въ край неба, какъ брошенная кѣмъ-то бѣлая кисея... И въ лѣсу началась новая, таинственная жизнь, и послышались звуки, которыхъ ранѣе не было слышно.

Жалобно застонала сова и смолкла, на опушкѣ послышался легкій трескъ сучьевъ и шорохъ, чьи-то осторожные шаги, прыжки.

Собаки подняли головы, прислушались и зарычали.

— Фить!—свистнулъ я, чувствуя, какъ сердце начинаетъ биться громко и учащенно.

Собаки сорвались съ мѣста и съ громкимъ лаемъ бросились въ лѣсъ.

Я подхватилъ самоварчикъ, который уже успѣлъ закипѣть и теперь фыркалъ горячей водой и паромъ, и поспѣшилъ съ нимъ на балконъ.

Собаки полаяли и успокоились, и снова наступила тишина. Ее нарушалъ только несмолкаемый шумъ ручья, незамѣтный днемъ, да гдѣ-то далеко въ ущельѣ невѣдомая мнѣ, таинственная ночная птица тянула свое тоскливое: «сплю, сплю»...

— Что же теперь дѣлать?—думалъ я.—Уйти въ комнаты и запереться? Жарко, да и стыдно передъ самимъ собою. Зажечь фонарь? Но это значитъ очутиться, въ случаѣ нападенія, въ самомъ невыгодномъ положеніи: тебя видятъ со всѣхъ сторонъ, а ты никого и ничего въ темнотѣ не видишь. Не зажигать огня—темно,—чашки на столѣ не найдешь.

Пока я такъ думаю, на потолкѣ балкона начинается какая-то возня, пискъ, и мелкій мусоръ сыплется мнѣ на голову сквозь потолочныя щели, затѣмъ шорохъ переходитъ съ чердака на старую развѣсистую грушу, растущую у балкона, и оттуда тоже начинается что-то сыпаться внизъ...

Изъ подъ крыши дачи вылетаютъ летучія мыши, одна за другой. Онѣ сыплются оттуда десятками, сотнями, какъ изъ рога изобилія, цвиркаютъ, вьются надъ дачей, носятся по всѣмъ направленіямъ, вертятся такъ близко отъ меня, что я не только слышу противный шелестъ ихъ крыльевъ, а ощущаю на лицѣ вѣтеръ отъ ихъ движеній. Вотъ-вотъ какая-нибудь изъ нихъ влѣпится въ мою свѣтлую блузу или сядетъ на голову.

И гадливый ужас охватываетъ меня...

Что же будетъ, если я зажгу фонарь? Тогда на огонь ихъ слетятся тысячи!.. Ужъ это одно заставитъ меня просидѣть всю ночь въ темнотѣ. А въ лѣсу опять раздается таинственный трескъ сучьевъ, слышатся чьи-то осторожные, крадущіеся шаги...

Собаки снова бросаются туда и долго и упорно лаютъ на одномъ мѣстѣ. Потомъ смолкаютъ, точно прислушиваются къ чему-то, и снова поднимаютъ громкій настойчивый лай...

— Должно быть, ежикъ...—думаю я,—и все-таки захожу въ комнату, нащупываю ружье, выхожу съ нимъ на балконъ и напрягаю зрѣніе, стараясь проникнуть въ окружающую меня темноту.

И все мнѣ кажется таинственнымъ, полнымъ ужаса. Деревья и предметы принимаютъ причудливыя, странныя формы, и кажется, что это какія-то невѣдомыя живыя существа, что они смотрятъ на меня, протягиваютъ свои корявыя руки, слѣдятъ за каждымъ моимъ движеніемъ и вотъ-вотъ двинутся на меня.

Ноги мои прирастаютъ къ землѣ, движенія сковываются, я даже не могу повернуть головы, и если бы въ этотъ моментъ дѣйствительно кто-нибудь бросился на меня, я не могъ бы шевельнуть рукой, чтобы защищаться.

Вотъ въ темнотѣ, въ сторонѣ сада, надъ самой землей сверкаютъ и тухнуть фосфорическія точки чьихъ-то глазъ.

— Волкъ!—мелькаетъ въ моемъ мозгу острая, какъ гвоздь, мысль, и, не соображая, что дѣлаю, я поднимаю свое огромное ружье, прижимаю его къ плечу, навожу на то мѣсто, гдѣ мерцаютъ зеленые огоньки, и спускаю двумя пальцами огромный курокъ...

— Ба-бахъ!—раздается оглушительный какой-то двойной выстрѣлъ и громомъ прокатывается по ущелью, отдаваясь далекимъ эхомъ.

И одновременно съ нимъ подъ садовымъ заборомъ раздается и быстро смолкаетъ кошачье мяуканье...

— Дикаго кота убилъ!—рѣшаю я.—А можетъ быть, рысь!..

Собаки съ громкимъ лаемъ бросаются на мяуканье, но быстро смолкаютъ, что-то обнюхиваютъ и возвращаются къ балкону. Я стою съ дымящимся ружьемъ и прислушиваюсь къ снова наступившей мертвой тишинѣ. Въ правомъ ухѣ у меня звенитъ отъ удара приклада, рука ноетъ, словно перебитая.

Въ это мгновеніе на противоположномъ берегу ручья раздается и повисаетъ въ воздухѣ звонкій, душу раздирающій дѣтскій плачь, быстро переходящій въ звукъ, похожій на человѣчскій хохотъ.

Меня охватываетъ лихорадка и начинаютъ дрожать поджилки. Во рту пересыхаетъ, языкъ дѣлается, какъ шерстяной...

Собаки съ новымъ лаемъ бросаются на крикъ, и онъ смолкаетъ.

На счастье, я быстро соображаю, что это кричалъ шакалъ. Я хоть недавно въ Закавказьѣ, но крикъ ихъ уже знаю. Это настолько разгоняетъ мой ужасъ, что я могу хоть пройти въ комнату и снова зарядить ружье.

Сажусь на балконъ и, держа заряженную одностволку наготовѣ, начинаю прислушиваться къ тишинѣ.

И чѣмъ больше я прислушиваюсь, тѣмъ больше напрягаю мои и безъ того взбудораженные нервы, и я чувствую легкой ознобъ и едва сдерживаю судорожное пощелкиваніе зубами.

Нѣкоторое время все тихо, только слышно, какъ шумитъ потокъ, да,

ночная птица бесконечно повторяет свое унылое «сплю». И я начинаю понемногу приходить въ себя, какъ вдругъ, на грушѣ, надъ моей головой, поднимается отчаянная возня, пискъ, царапанье... Нервы мои не выдерживаютъ. Я машинально поднимаю ружье кверху и стрѣляю. Снова по ущелью прокатывается громъ выстрѣла, подхватываемый эхомъ, снова звенитъ въ правомъ ухѣ и еще больнѣе ноетъ плечо.

Съ дерева падаютъ сбитые листья и что-то, судя по звуку, небольшое и мягкое. Собаки бросаются туда, кого-то душатъ, издавая носомъ характерные звуки, похожіе на храпъ.

Въ тревогѣ, со снова заряженнымъ ружьемъ въ рукахъ, провожу я остатокъ ночи, не замѣчая, какъ прекрасны звѣзды, какъ чистъ и свѣжъ горный воздухъ.

Наконецъ, небо начинало блѣднѣть, млечный путь погасъ, а крупныя звѣзды точно повисли на невидимыхъ подвѣскахъ и приняли видъ сверкающихъ самоцвѣтныхъ капель. На небѣ выступили зубчатые контуры горъ, лѣсъ потерялъ свою таинственность. Еще нѣсколько мгновений—и непроглядность ночи смѣнилась сумракомъ разсвѣта.

Въ лѣсу проснулись и засвистали, запищали, запѣли птицы, и зеленоватый лучъ солнца упалъ на вершину самой высокой горы и зазолотилъ ее.

— Слава Богу... день!—мысленно произнесъ я, поставилъ ружье въ уголъ и сошелъ съ балкона, чтобы размять свои затекшіе члены.

Было веселое радостное утро: пѣли птицы, свѣтило солнце, кругомъ по горамъ ползъ лѣсъ, зеленый, курчавый, манящій къ себѣ. Гдѣ же его таинственность, призраки, которые чудились мнѣ въ каждой его вѣткѣ? Чего я боялся? Какъ глупо!

Мнѣ уже смѣшно своего собственного страха и я громко смѣюсь.

Иду осматривать трофеи своей ночной охоты.

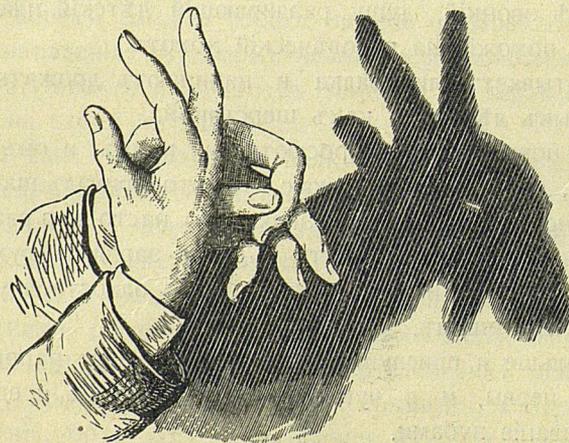
Подъ грушей лежитъ мертвый сѣренькій звѣрекъ вродѣ бѣлки, съ длиннымъ пушистымъ хвостомъ.

— За что я его убилъ?

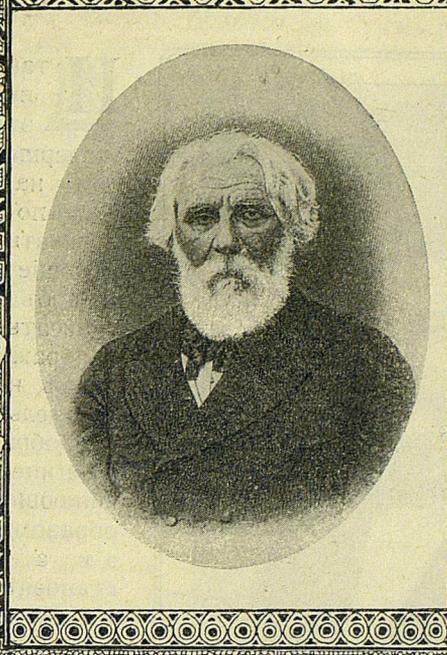
И самъ не знаю,—съ испуга...

Иду дальше. У садовой изгороди изъ пучковъ колючаго держи-дерева, насаженныхъ на заостренные, вбитые въ землю колья, валяется, вытянувъ лапки, мертвая сѣрая кошка.

П. Зайкинъ.

Ручная тѣнь.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ родился 28 окт. 1818 г., въ Орлѣ въ богатой дворянской семьѣ. Дѣтство и юность его прошли среди тяжелыхъ впечатлѣній. Семья находилась сначала подъ гнетомъ холоднаго и себялюбиваго отца (описаннаго Т-ымъ въ „Первой любви“). Послѣ смерти послѣдняго началась тиранія матери—мелочной, сварливой, жестокой къ дѣтямъ, но еще болѣе жестокой къ крѣпостнымъ крестьянамъ. Долгіе годы пришлось Т—ву выносить этотъ тяжелый гнетъ и быть свидѣтелемъ расправы матери съ дворовыми людьми. Пятнадцати лѣтъ Т. поступилъ въ московскій университетъ, затѣмъ перешелъ въ петербургскій, а по окончаніи курса въ скоромъ времени поѣхалъ за границу, гдѣ основательно изучилъ философію. По возвращеніи въ Россію онъ близко сошелся съ Бѣлинскимъ.

Въ 1852 г. за письмо, напечатанное имъ по поводу смерти Гоголя, Т. былъ арестованъ и высланъ потомъ въ Орловскую губернію. Начиная съ половины 50-хъ годовъ послѣ освобожденія отъ ссылки, Т. сталъ очень часто ѣздить за границу, проводя тамъ очень долгое время, сходясь съ выдающимися писателями Франціи, но продолжая дѣятельно слѣдить за русской жизнью и работать въ русской литературѣ. Послѣдніе годы его жизни были проведены почти цѣликомъ за границей, гдѣ онъ и умеръ 22 августа 1883 года на собственной виллѣ въ Буживаль, подъ Парижемъ.

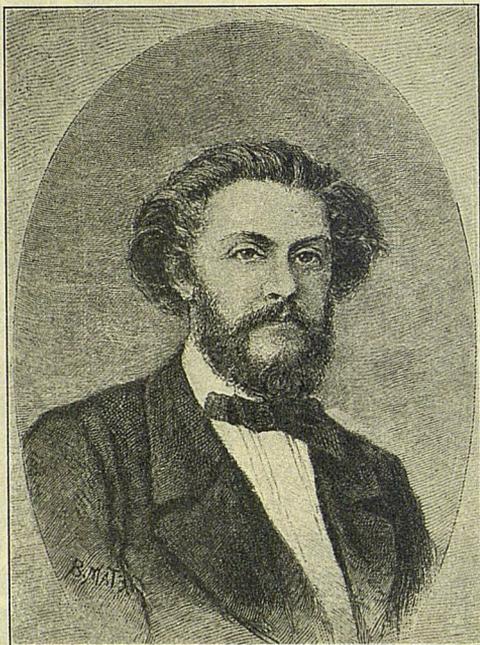
Въ теченіе своей долгой литературной дѣятельности Т. изобразилъ цѣлую галерею портретовъ, типовъ, характеровъ, познакомилъ читателей съ нравами, психологіей разнообразныхъ общественныхъ слоевъ и съ разнообразными общественными теченіями. „Записки охотника“ были художественнымъ обвинительнымъ актомъ противъ крѣпостнаго права; онъ впервые познакомилъ читателя съ чувствами, волненіями, душевными страданіями и стремленіями безправнаго крестьянина того времени.

Одинъ изъ самыхъ богатыхъ талантовъ въ русской литературѣ, Т. соединилъ красоту формы съ значительностью и глубиной содержанія, представивъ образцы русской прозы, неизвѣстные до него и едва ли превзойденные послѣ него.

Къ 30-лѣтію со дня смерти великаго русскаго писателя.

Исторія русской азбуки.

Продолженіе.

Николай Герасимович Помяловскій.

Знаменитый русскій писатель.

Род. въ 1835 г., умеръ въ 1863 г.

Въ этомъ году исполнилось 50 лѣтъ со дня смерти
Н. Г. Помяловскаго, умершаго 29-ти лѣтъ.

Изъ его произвед. („Молотовъ“, „Мѣщанское счастье“,
„Очерки бирсы“ и др.) лучшимъ считается „Очерки бирсы“.

Итакъ, къ простымъ рисункамъ прибавились символическіе, и это можно уже было назвать усовершенствованіемъ письма; но оно на этомъ не остановилось. Мало-по-малу ухо людей приучилось отличать отдѣльные звуки, составляющіе слова, и вотъ является новый способъ письма. Нужно египтянину написать слово ам, онъ рисуетъ изображеніе орла, который на его языкѣ называется а х о м и, слѣдовательно, начинается со звука а, и изображеніе совы, называющейся по-египетски м ю л о г, т. е. начинающейся со звука м; такимъ образомъ, у него получается слово а м, а изображенія орла и совы становятся буквами а и м. Точно такимъ-же образомъ возникли первыя буквы у китайцевъ, но такъ какъ въ китайскомъ языкѣ множество односложныхъ словъ, то буква замѣняла иногда у китайцевъ цѣлый слогъ. И у мексиканцевъ мы видимъ такое-же происхожденіе буквъ; такъ: изображеніе воды, по-мексикански атль, служило буквою а, боба, э т л ь, — буквою э, руки, м а й т л ь — слога ма. Чтобы написать мексиканское слово Те о к а л ь т и т л а н ь, значущее «мѣсто дома Божія», изображали слѣ-

дующіе знаки: губы, дорожку со слѣдами ногъ на ней, домъ и зубы; каждая фигура соотвѣтствовала одному или двумъ слогамъ слова Теокальтитланъ. Подобнаго рода письмо существуетъ у насъ до сихъ поръ, но служитъ только для забавы и называется шарада ми. Кто изъ васъ не занимался ихъ разгадываніемъ, а вѣдь никому изъ васъ не приходило въ голову, что шарады не просто забава, а остатокъ древняго письма.

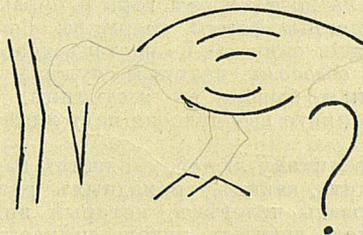
Изображеніе фигурами отдѣльныхъ звуковъ и слоговъ было очень важнымъ шагомъ на пути изобрѣтенія азбуки; но оно имѣло свое неудобство: прежде однимъ рисункомъ можно было выразить не только цѣлое слово, но цѣлую мысль, теперь-же на каждый звукъ слова надо было по цѣлому рисунку, а руки писавшихъ были въ то время еще очень неискусны, потому писаніе отнимало много времени. Неудобство это устранили тѣмъ, что условились упростить рисунки, изображать вмѣсто цѣлаго предмета какую-нибудь часть его; а иногда и просто замѣнять его какимъ-нибудь значкомъ; такимъ образомъ, явились уже настоящія буквы, а не рисунки. И это также мы встрѣчаемъ у всѣхъ древнихъ народовъ. Самыя названія буквъ въ нѣкоторыхъ азбукахъ показываютъ, что онѣ были прежде изображеніями предметовъ. Древніе греки научились азбукѣ у финикянъ; хотя ихъ тепершнія буквы нисколько не напо-

минають собою изображеній какихъ-либо предметовъ, но названія ихъ ничто иное, какъ финикійскія слова. Такъ, названіе буквы α (альфа) значило по-финикійски быкъ, β (бета) — домъ, γ (гамма) — ярмо, δ (дельта) — дверь, ϵ (эпсилонъ) — окно, ζ (зета) — оружіе и т. д. Вспомните, что для славянъ азбука была придумана св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, по образцу греческой, вслѣдствіе чего многія буквы славянской азбуки похожи на буквы греческой; мало того, каждой буквѣ было дано свое значущее названіе, въ подражаніе значущимъ названіямъ греческой азбуки: азъ (я), вѣди (знай), добро, есть, живете, земля и т. д. Но возвратимся къ изобрѣтателямъ первыхъ азбукъ.

Къ сокращенію рисунковъ, изображавшихъ буквы, прибѣгли не одни египтяне, но также и китайцы и мексиканцы. Кромѣ этихъ трехъ народовъ древности, изобрѣтшихъ и усовершенствовавшихъ до извѣстной степени азбуку, еще другіе, нѣкогда сильные, народы оставили намъ памятники своей письменности въ видѣ надписей на скалахъ, храмахъ, дворцахъ, гробницахъ, столбахъ, статуяхъ, вазахъ, перстняхъ и на пр. вещахъ. То были ассиро-вавилоняне и персы. Еще не много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ ученые стали раскапывать и изучать развалины нѣкогда славныхъ городов Ниневіи, Вавилона, Сузы и др., а уже сколько свѣта пролили на жизнь древнихъ народовъ найденныя тамъ, такъ называемыя, клинообразныя надписи, разбираемыя неутомимыми европейскими учеными, между которыми славятся особенно Равлинсонъ и Лайярдъ. Клинообразными эти надписи называются потому, что состоятъ исключительно изъ клинообразныхъ изображеній гвоздей и стрѣлъ. Расположенныя въ извѣстномъ порядкѣ, онѣ, вѣроятно, изображали собою прежде различные предметы; но въ найденныхъ надписяхъ они служатъ уже просто буквами. Подобныя надписи найдены во многихъ мѣстахъ, но такъ какъ клинообразными буквами писало нѣсколько племенъ, говорившихъ на различныхъ нарѣчіяхъ, то разобрать ихъ было чрезвычайно трудно. По счастью, между развалинами ниневійскаго дворца была найдена цѣлая бібліотека, состоящая изъ глиняныхъ черепицъ или дощечекъ съ выпуклыми буквами. Здѣсь, кромѣ описанія разныхъ событій, нашлось нѣчто вродѣ древней ассиро-вавилонской грамматики и лексикона, съ помощью которыхъ ученые съ гораздо меньшимъ трудомъ разбираютъ теперь клинообразныя надписи. Нѣкоторыя изъ нихъ были сдѣланы за 2000 лѣтъ до Р. Х. Не думайте, впрочемъ, чтобы онѣ представляли собою вполне усовершенствованное письмо. Нѣтъ! И это были только первые робкіе шаги на пути письменности; и въ нихъ, такъ-же, какъ въ египетскихъ, китайскихъ и мексиканскихъ надписяхъ, вы не встрѣчаете почти совсѣмъ ни окончаній словъ, ни знаковъ для изображенія гласныхъ.

Окончаніе слѣдуетъ.

Марья Ностылева

Задача изъ линій.

Данныя линіи постарайтесь расположить въ такомъ порядкѣ, чтобы всѣ онѣ входили въ рисунокъ и представляли *аиста*.

Замѣчательныя мѣста.

Брокенское видѣніе.

Въ Германіи есть гора, называемая Гарцъ. Она считается самою сѣверною нѣмецкою горою. Высоко поднимается онъ надъ окрестностью, и каменный колоссъ этотъ видѣется далеко издали. Кругомъ его тянется много другихъ, менѣе высокихъ, горъ, которыя составляютъ одну цѣпь, также называемую Гарцею. Верхній Гарцъ смотритъ угрюмымъ старикомъ. Всю долгую и суровую зиму онъ покрытъ кучами снѣга и льда. Только на лѣто освобождается онъ отъ этихъ неприглядныхъ украшеній, но лѣто продолжается здѣсь не долго и во время его случаются безпрестанно страшныя бури.

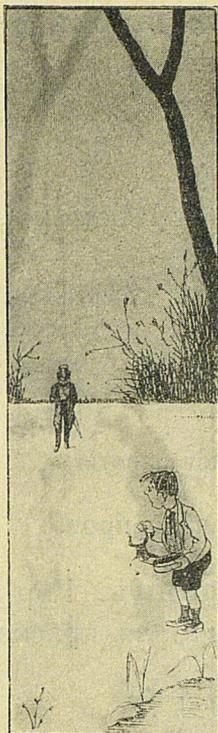
Путешественники посѣщаютъ Гарцъ весьма охотно. Для ихъ удобства здѣсь есть и гостиницы, гдѣ можно отдохнуть и поѣсть. Многие пробираются и дальше, за Брокенъ, въ верхній Гарцъ, который славится замѣчательнымъ явленіемъ. Видѣть его удастся далеко не каждому. Мы приведемъ слова одного путешественника, посѣтившаго Гарцъ, а картина нарисованная имъ, поможетъ вамъ представить себѣ это явленіе, какъ бы вы сами были его очевидцемъ. „На другое утро, послѣ того какъ мы прибыли на Брокенъ, въ 2 часа я былъ разбуженъ. Облака, какъ вчера, стояли надъ долиной, холодъ былъ довольно силенъ и вся окрестность обрисовывалась какъ-то тускло, неясно. Мы обогнули гору, чтобъ опять взглянуть на груды громадныхъ камней, которыя мы только мелькомъ видѣли вчера. Пройдя часть пути внизъ, мы достигли одной площадки въ ту минуту, когда первые лучи восходящаго солнца позволили намъ различить отдельные предметы. Мой проводникъ, съ нѣкотораго времени чего-то, повидимому, нетерпѣливо ожидавшій, безпрестанно озирался по сторонамъ. Вдругъ онъ быстро увлекъ меня на возвышеніе, съ котораго я могъ хорошо видѣть въ теченіе нѣсколькихъ минутъ чудное Брокенское

видѣніе. Густой слой тумана, который, какъ обширный занавѣсъ, спускался изъ облаковъ, вдругъ поднялся на востокъ отъ горы и образовалась радуга, потомъ обрисовались какія-то неопредѣленныя формы, сперва въ обширныхъ размѣрахъ отразился дворъ гостиницы, потомъ наши силуэты, но не такъ ясно и отчетливо; всѣ эти видѣнія были окружены радужнымъ *обводомъ*, который служилъ фономъ этой волшебной картинѣ. Многие путешественники, бывшіе въ гостиницѣ, видѣли изъ окна звѣзду, появившуюся на горизонтѣ, но никто изъ нихъ не могъ видѣть всей сцены, происходившей по другую сторону горы“.

Сличивъ на рисункѣ величину людей, стоящихъ на горѣ, съ ихъ изображеніемъ, вы будете въ состояніи судить, какихъ громадныхъ размѣровъ бываютъ эти изображенія. Что долженъ чувствовать человекъ, который видитъ гдѣ-то вдали гигантское изображеніе человека? зритель двигаетъ рукою, снимаетъ шляпу, кланяется, — гигантъ повторяетъ его движенія съ буквальною точностью.

Многіе хотѣли объяснить себѣ это явленіе, но объясненіе еще не найдено. Можетъ быть, восходящее солнце бросаетъ тѣнь человека на облака, можетъ быть дѣло происходитъ какъ-нибудь иначе. Какъ бы то ни было, явленіе до того необыкновенно, что жители Брокена охотно водятъ путешественниковъ на эту площадку, чтобъ дать имъ возможность увидѣть его своими глазами.

Строгий учитель и прыгающая фуражка.

— Ай! учитель идетъ.
Спрячу лягушку
подъ шляпу!

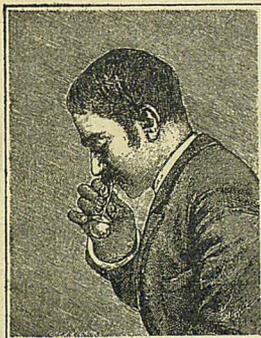
— Когда вы встрѣчаете
учителя, вы должны
снимать фуражку.

— Извольте, господинъ
учитель!

Игры и забавы.

Шарикъ, висящій на воздухѣ.

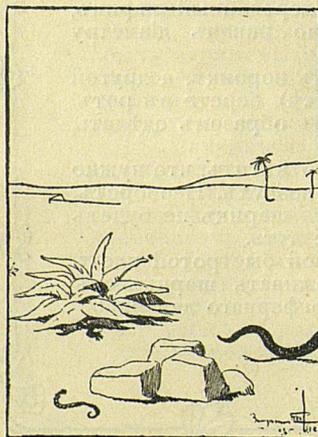
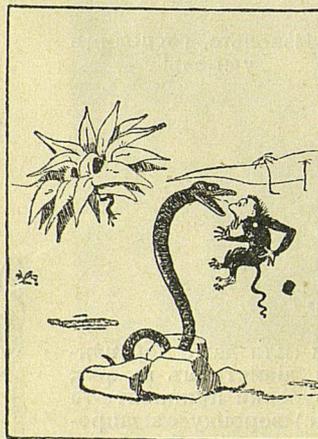
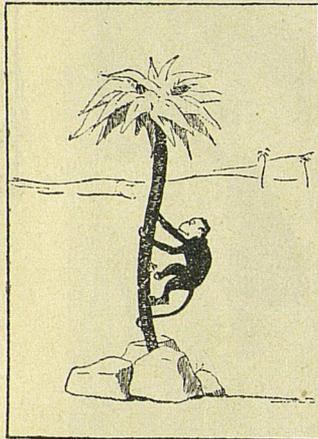
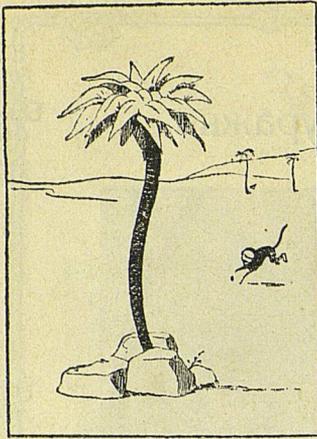

Возьмите трубочку изъ тонкой жести (или даже деревянную), длиной въ 7 сантиметровъ и диаметромъ въ 4—5 миллиметровъ, къ концу этой трубочки припаяйте (а если она деревянная, прикрѣпите иначе) воронку съ широкимъ раструбомъ, внутренность коей представляла-бы вогнутое полушаріе. Затѣмъ возьмите легкій деревянный шарикъ, діаметръ коего былъ-бы приблизительно равенъ діаметру раструба воронки.

Задача: Вы приставляете шарикъ къ воронкѣ, а другой конецъ трубочки (какъ указано на рисункѣ) берете въ ротъ. Вы отнимаете руку отъ шарика. Какимъ образомъ сдѣлать, чтобы шарикъ все-таки не падалъ?

Огромное большинство, навѣрное, отвѣтитъ, что нужно какъ можно сильнѣе втягивать въ себя воздухъ. Наоборотъ, надо какъ можно сильнѣе дуть наружу,—и шарикъ не будетъ падать внизъ все время, пока вы будете дуть.

При выдуваніи воздухъ съ большой быстротой идетъ наружу вокругъ шарика, и наружное давленіе воздуха будетъ удерживать шарикъ отъ паденія на землю. Это одно изъ простѣйшихъ доказательствъ атмосфернаго давленія.

Обманутая мартышка.

Разсказъ безъ словъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

1913 годъ.

Выпускъ 9-й.

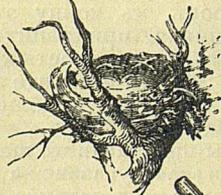
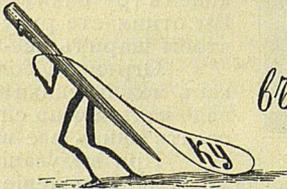
	СТР.
Пташкамъ. Стих. П. В. Быкова	267
На работу. Стих. А. Кузнецова	268
Кирикъ. Разсказъ Ал. Богданова	269
Сказка о пчелкѣ-Божьей работницѣ. Ал. Рославлева	280
Лѣсовики. Сказка Б. Богомолова	282
Подвигъ Минты. Разсказъ Германа Шеффауэра	284
Ночь въ лѣсу. Разсказъ П. Зайкина	289
И. С. Тургеневъ. Къ 30-лѣтію со дня смерти . .	293
Исторія русской азбуки. Статья М. Костылевой .	294
Брокенское видѣніе. Очеркъ	296
Шарикъ, висящій на воздухѣ. Дѣтскія занятія . .	297

Ребусы, карикатуры, задачи и проч.

КАРИКЮРЫ: Будущій гражданинъ. Картина художника Табурина, исполненная красками.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. И. С. Никитинъ. Избранныя стихотворенія для дѣтей.
2. Царство грибовъ.
3. Коллекція монетъ.

	ИМЪ МО		МЪ
	ДЛЯ	Д	ѢТО КЪ
ТОСО		ВЪ	КЪ ХЪ
ТО		ВЪ	

Редакторъ-Издатель Н. В. Корецкій.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1913 г.
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ
 избранныхъ произведенийъ дѣтской литературы

ЖАВОРОНОКЪ

съ картинками въ краскахъ и прилож. дѣтскихъ книгъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: Дѣтскіе рассказы, сказки, стихотворенія. Историческіе очерки. Фельетоны для дѣтей. Рисованіе, музыка, пѣніе, дѣтскій театръ, лѣпка изъ глины. Дѣтскія работы. Научныя статьи. Игры и забавы. Спортъ. Физика и химія въ играхъ. Собираніе растеній, бабочекъ, грибовъ, монетъ и проч. Рыбная ловля. Астрономія, ботаника для дѣтей. Задачи, шарады, загадки. Странички для родителей и воспитателей.

Подписавшіяся на 1913 г. получаютъ (ежемѣсячно 1-го числа):

12 иллюстрированныхъ выпусковъ
 Художественно-Литературнаго и Научнаго журнала ДЛЯ ДѢТЕЙ въ изящныхъ обложкахъ

12 художественныхъ картинъ, исполненныхъ о о о красками. о о о

12 изящныхъ томиковъ ИЗБРАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ для дѣтей знаменитыхъ русскихъ писателей, съ портретами авторовъ. Будутъ выданы СОЧИНЕНІЯ:
 АКСАКОВА. ЖУКОВСКАГО. КОЛЬЦОВА. ЛЕРМОНТОВА. НИКИТИНА. ТОЛСТОГО. ТОГОЛЯ. КАРАМЗИНА. КРЫЛОВА. ЛОМОНОСОВА. ПУШКИНА. ШЕВЧЕНКО.

4 КН. „ВЕСЕЛАЯ БИБЛИОТЕЧКА“:
 съ смѣшными картинками.
 1. Барабанъ. 3. Ванька-Встанька.
 2. Хлопушка. 4. Ку-ка-ре-ку!

6 КН. „БИБЛИОТЕЧКА-ИГРУШКА“ ДѢТСКІЯ ИГРЫ и РАЗВЛЕЧЕНІЯ:
 1. Дѣтскій театръ. 4. Игры забавы.
 2. Веселый задачникъ. 5. Живчикъ.
 3. Игрушки-самодѣлки. 6. Дѣтскій спортъ.
 Маленьк. фокусникъ.

8 КНИЖЕКЪ СЪ КАРТИНКАМИ для нагляднаго ОБУЧЕНІЯ:
 1. О звѣздочкахъ. 3. Маленькій звѣринецъ. 6. Царство грибовъ.
 Маленькая астрономія. 4. Мой акваріумъ. 7. Коллекція монетъ.
 2. Среди цвѣтовъ. 5. Книжка бабочекъ. 8. Книжка рисованія.
 Маленькая ботаника.

Годовые подписчики получаютъ съ первымъ № журнала роскошную стѣнную картину въ краскахъ, на паспарту,
 Знаменитого русск. художника **В. МАКОВСКАГО**, **ДѢТСКАЯ ГОЛОВКА** Работы поставщиковъ Двора Е. И. Величества, Голице и Вильборгъ.

Журналъ издается редакціей журнала „Пробужденіе“.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкою и пересыской 4 р., на полгода 2 р., на 3 мѣс. 1 р. За гран. 7 р.

Редакція журн. „ЖАВОРОНОКЪ“, СПБ., Невскій, 114.

Редакторъ-Издатель Н. В. Корецкій.

Цѣна отдѣльнаго выпуска 40 коп.